Ангелина Монич

В поисках точки Gmail

Письма о любви, о сексе и о жизни
в промежутках между ними

Ангелина Монич

В поисках точки Gmail. Письма о любви, о сексе и о жизни в промежутках между ними

«Издательские решения»

Монич А.

В поисках точки Gmail. Письма о любви, о сексе и о жизни в промежутках между ними / А. Монич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850330-6

Пытаясь разобраться в себе, героиня романа, Маргарита, начинает записывать всё, что происходит в стенах её большого загородного дома. Боясь посвящать кого-либо в страшные подробности своей семейной жизни, она неожиданно решает довериться давнему другу (известному продюсеру) и посылает ему свои тексты. Он отвечает, и очень скоро их переписка приобретает остро сексуальный подтекст…

ISBN 978-5-44-850330-6

© Монич А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 7
Глава 2 10
Два дня из жизни обеспеченной женщины 10
Глава 3 18
Глава 4 21
Тошнота 21
Теннис и арбузная корка 23
Билет 24
Душистая улыбка 27
Глава 5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

В поисках точки Gmail Письма о любви, о сексе и о жизни в промежутках между ними

Ангелина Монич

Все имена героев вымышлены, любое совпадение с реальными людьми случайность.

Замысел книги всегда выходит
за рамки намерений автора.
В этом и состоит таинственность
литературы.
Хорхе Луис Борхес

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Ангелина Монич, 2017
© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0330-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие
О себе

Буквам я верю больше, чем словам. К буквам можно вернуться, как к людям. Потрогать и вновь почувствовать. И может быть, почувствовать что-то совершенно иное. А слова сказанные тонут. В бряцании чайных ложек, в чужом смехе, в шорохе простыней, в сотнях «хочу тебя». Как их потом узнать, утопленников? Вроде и не жили. Придумала?

Силу словам дает сила ощущений. Рождаешь, когда чувствуешь. И иногда боишься этого. Боишься боли переживаний. А что если нечто стоящее и любимое можно произвести на свет только один раз? Всего лишь однажды? А потом из страха почувствовать вновь, пользоваться эпидурально? С помощью эпидуральной анестезии. И рождать тексты, от которых ничего не шевелится и не кричит. Зато и сама не чувствуешь, как может быть больно. И тогда можно далеко и ровно бежать. Работа такая. Привычка. Мозоль, знаете. Натертость жизнью.

И еще. У нормальных женщин есть точка G. У ненормальных, то есть у меня одной, – точка Gmail. Я испытываю удовольствие оттого, что пишу письма. Сегодня я все утро неистово занималась любовью. Мне было хо-ро-шо. А в голове крутились надписи к картинкам. Длинные-предлиннные. Целые тексты. Я получала физическое удовольствие не просто оттого, что во мне двигался мужчина, но оттого, что во мне рождались слова. Дико возбуждающие слова. О любви. О плотской любви. Я испытывала оргазм оттого, что писала письма воображением. Меня возбуждала сама мысль о том, что я готова писать эти письма не только в мыслях. Меня манила перспектива этой дикой эротической игры. И я вдруг почувствовала, что это очень важно.

В общем, здравствуй, мой дорогой друг. Именно тебя я решила посвятить в свою личную и, как мне кажется, весьма увлекательную жизнь. Посылаю тебе страницы своей ужасно откровенной книги. Я ее писала много лет, но опубликовать решилась только теперь. Так что, читая, не удивляйся признакам недавнего прошлого, где еще нет фейсбука, и люди иногда встречаются в кафе, а не в скайпе. И, пожалуйста, не делись ни с кем этими текстами прежде, чем они увидят свет, иначе заявить об их ценности лично мне будет уже невозможно, меня здесь просто не будет, потому что меня убьют.

Глава 1

По телевизору показывали «Последнее танго в Париже». Очередное последнее танго. Сколько раз она видела этот фильм и только теперь вдруг заметила, что в профиль Марлон Брандо сильно напоминал Анну Ахматову. Чудовищное сравнение. А его теща, по фильму мать покончившей с собой жены, – ее приятельницу Галю, полную некрасивую хохотушку со вздернутым носом и несносным характером. Отметив вполне очевидные сходства, она подумала о том, что в мире слишком много похожих друг на друга людей. Которые могут или могли жить в разное время, в разных странах, а могли и вообще жить только в воображении избранных, типа Бертолуччи, но с профилями реальных, тоже на кого-то похожих. Она улыбнулась случайной мысли.

На экране чужая мать искала объяснений самоубийства дочери – должны же были остаться какие-то следы: записки, письма, дневники. Не ищите, сказал Брандо, бесполезно, ничего нет. Она не верила и продолжала рыться в вещах. А моя героиня, которую я так и буду пока называть Она, так вот моя героиня вдруг подумала о том, что, если бы, не дай бог, она покончила жизнь самоубийством (а чего скрывать? такие мысли иногда приходили в ее легкомысленную голову), она непременно оставила бы после себя ту самую, пухлую от напечатанных листов папку, красную с белым, оставила бы на видном месте, чтобы непременно нашли и все поняли, все-все, про нее, про него, про другого него, про их жизнь и про ее смерть. Только вот где она оставила бы эту папку, вернее у кого, она пока так и не решила.

И нажала play.

На экране обнаженные любовники придумывали друг другу имена. Не желая знать истинных. И она, усмехнувшись, подумала о том, что сегодня они попали в точку, потому что именно сегодня она носила чужое имя. С самого утра. Славное и редкое чужое имя, никогда не встречавшееся в кругу ее многочисленных знакомых, но от чего-то вспомнившееся и почему-то приглянувшееся. Жених Марии Шнайдер, снимавший по сюжету кино про обыкновенную парижскую девушку, стал искать кадр, чтобы поймать в нем свою возлюбленную. И тут Ася (а именно так с утра звали мою героиню), закрыв глаза, вдруг ясно представила себе картину, в которой сама была поймана. Много лет назад. Тем, кто теперь… Нет, об этом позже, сначала картина.

Шел снег. Медленный, нежный и немного печальный. Тот самый, во время падения которого так хочется бродить по городу, ловя губами собственный, только что оторвавшийся от выдоха пар, улыбаться без причины и провожать взглядами случайных прохожих. Она стояла у большой, освещенной витрины и смотрела во все глаза. На ней были белые узкие джинсы и короткая меховая шубка. Такой Он ее и увидел. Юной, восторженной и очень красивой.

А тем временем двое на экране телевизора не унимались.

– Ладно, рассказывай дальше.

– Мне было 13, он был смуглый и очень худой. Я влюбилась в него, когда он играл на фортепиано. Мы умирали от жары…

– О, да, это хороший предлог!

– После обеда, когда взрослые уснули…

– Только не говори, что он не возбуждал тебя!

– Я никогда не позволяла!

– Врушка, маленькая врушка!

– Он возбуждал меня.

– Ну вот. Когда ты впервые кончила?

Сплошные многоточия. Но ни капли смущения, так и должно быть. В конце их сада росли два дерева – платан и орех. После школы они садились каждый под своим деревом и мастурбировали. Кто первый кончал, тот и выигрывал.

Ася нажала на паузу. Дотянулась до стоявшей на тумбочке у кровати широкой чашки с золотистым сладким чаем, поднесла чашку к губам, весело и громко отхлебнула. Поставила чашку обратно, растоптала кулачками пригревшуюся за спиной подушку и, захватив пальцами край одеяла, сползла вместе с ним вниз, в нутро постели, нагретой ее теплом и желаниями. Закрыла глаза и, улыбаясь во весь рот, отчего и сама не знала, просто было хорошо и спокойно, решила хотя бы пять минут полежать в тишине и ни о чем не думать, решительно ни о чем.

Сказала себе так, и тут же, двух секунд не прошло, стала перебирать в памяти диалоги недавней встречи.

Это был обед в ресторане рядом с его работой. Она с удовольствием приехала. Сама. Что раньше случалось крайне редко. Впрочем, в последнее время и виделись они крайне редко. Раз в год, а то и в полтора. Ему было некогда. Очень некогда. Вот и сейчас постоянно звонил лежавший на столе телефон. Сначала Глеб отвечал, а потом выключил звук и лишь посматривал на определившийся номер.

– Отлично выглядишь, – сказал он, внимательно разглядывая Асю. – Как дела?

– Спасибо. Наверное, хорошо, раз ты делаешь мне комплименты, – сказала она, улыбнувшись. – Все-таки 37 лет не виделись.

– Да ладно. На тебе время никак не отражается. Умница. Что делаешь?

– Как всегда, – протянула Ася, как будто собираясь с мыслями. – Работа, дом, иногда театр, совсем иногда выставки, друзья, танцы. А ты?

– А я борюсь, – сказал он и лукаво улыбнулся.

Ася игриво сдвинула брови и чуть повернула голову, давая понять, что заинтересована и хотела бы услышать продолжение. Но Глеб улыбался и молчал.

– С кем борешься? – спросила она, не выдержав.

– Не с кем, а с чем, – еще более загадочно произнес он. – С метеоритами.

– С чем?!

– С метеоритами, – рассмеявшись, повторил Глеб. – Неужели ты не слышала? Кажется, все СМИ передавали. Позавчера над Ярославкой прошел дождь из метеоритов. Ну, конечно, он прошел ровно в том самом месте, где ехал я на своем новеньком Мерседесе.

– Ты сейчас шутишь? – почти серьезно проговорила Ася.

Он фыркнул. Он и раньше всегда так делал, когда сочинял. Для пущей убедительности.

– Ты забыла, я никогда не шучу. Я же – ответственный работник. Не веришь, пойдем сейчас на улицу, я тебе покажу своего бедного изрешеченного коня. Ему и правда досталось.

– Ты что, и сам метеорит видел?

Зазвонил телефон. На этот раз ее телефон. Ася посмотрела на определившийся номер, извинилась и взяла трубку. Звонили из редакции толстого литературного журнала. Она ждала этого звонка, потому и ответила:

– Здравствуйте, Ольга Борисовна. Да, могу.

Все время, пока Ася говорила, Глеб внимательно смотрел на нее, изредка отпивая глоток вина из бокала. Когда она положила трубку, он спросил:

– Что пишешь?

– Так. Зарисовки из жизни обеспеченной женщины, – сказала она грустно.

– Дашь почитать?

Она пожала плечами:

– Вряд ли тебе будет интересно. Женская чушь. Впрочем, пожалуйста, пришлю, – она вяло ковыряла вилкой карпаччо из осьминога. Вдруг спросила:

– А ты? Ты ведь тоже… Как твоя книга? Продвигается? Или есть новые затеи?

– Если пришлешь мне зарисовки, я пришлю тебе что-нибудь из своего. Правда, боюсь это будет не очень равноценно, – загадочно сказал он.

– Это почему это?

– Ты будешь шокирована.

Она удивленно подняла брови.

– Потому что это для мальчиков.

Она подняла брови еще выше.

Он усмехнулся.

– То есть очень жестко. Очень. Другого слова подобрать не могу.

– Порнография что ли? – посмеялась она.

– Ну, вот я тебе пришлю, ты мне и скажешь, что это, – сказал Глеб, слегка дотронувшись до ее руки, лежавшей на столе. – Но по-моему, это комиксы.

– Ну, ты и затейник. Я уже дико заинтригована. Когда пришлешь?

– Да вечером и пришлю. Но будь готова. Не все так просто.

Он положил в карман разрывавшийся в режиме «встреча» телефон, проводил ее до машины и поцеловал в губы. Крепко. По-настоящему. Это было прекрасно. Как всегда.

Поздним вечером она, как и было обещано, получила письмо под названием «Бангкок».

Такого откровенного текста в ее электронной почте еще не было. Она поняла это с первых же строк.

> Одну звали О, другую Лани. Они сидели, прижавшись друг к другу, в окружении еще ста тайских девушек и глядели на моряков.
>
> – Вы уже выбрали девушку? – с улыбкой спросил менеджер.
>
> – Пожалуй, да – я возьму вот эту, под номером 37, – Джим указал на Лани. Та поняла, что речь идет о ней, и принялась что-то быстро говорить своей подруге. О подняла глаза на Джима, придирчиво его оглядела и жестами попросила пригласить их обеих.
>
> – Возьмите двух, – поддержал своих подопечных менеджер, – не пожалеете.
>
> Джим проверил содержимое карманов, денег ему вроде хватало, даже еще оставалась на обязательную бутылку французского шампанского, которую клиентам полагалось взять с собой в номер…

Читать на кухне в момент приготовления ужина не было никакой возможности. Ася свернула текст, а в ответ отправила те самые зарисовки под названием «Два дня из жизни обеспеченной женщины».

Глава 2

Два дня из жизни обеспеченной женщины

Оставив свой шикарный серебристый дом на колесах у первой же от кольца станции метро, Маргарита двинулась к переходу. Шестнадцатиэтажный колодец (единственное возле метро место, где можно было бросить машину) она откопала еще зимой, когда, простояв больше часа в пробке, плюнула на кожаный музыкальный комфорт и впервые за долгое время спустилась в подземку. Впечатлений тогда у нее была масса, и все больше положительные. Ей понравились эти 25 минут под землей. Она с удовольствием разглядывала людей, подсматривала их тексты и подслушивала слова. Благо была середина дня, лица в вагонах были преимущественно молодые и ничем особенным не пахли. С тех пор случаи, когда ей приходилось добираться до центра в толпе себе подобных, стали происходить все чаще. Проводить по пять часов в день за рулем, простаивая в пробках, было уже невмоготу.

Отметив отсутствие у турникетов подозрительных лиц в милицейской форме, Марго ловким движением руки вытащила из сумки кошелек и как бы невзначай приложила его к желтому глазку. Загорелся зеленый. Через секунду она была внутри. Бабушка в будке не обратила на нее никакого внимания, а бабушка на фотографии пластиковой социальной карты, лежавшей вместе с кредитками в кошельке, в очередной раз устало улыбнулась, – она уже давно никуда на транспорте не ездила, а льготы имела, чего им лежать без дела, на, внучка, пользуйся, все экономнее, только смотри, не давай проверять, а то враз отберут и потом уже не восстановишь. В месяц такой экономии набегало рублей восемьсот.

Перед самым эскалатором под носом у Маргариты возник молодой и неместный. Он лихо перескочил через перила, разделяющие тех, кто из метро выходит и тех, кто туда только что вошел, и, как ни в чем не бывало, поплыл вниз. «Зайцы паршивые. Понаехали, а платить не хотят», – с раздражением подумала она и шагнула следом.

«Следующая станция Белорусская». Здесь Машка живет. Одна остановка на автобусе и во двор. Сто лет с ней не разговаривала, все некогда, а надо бы, подруги все-таки. Близкие. В гости надо зазвать, не отвертится.

Маргарита жила хорошо и относила себя к женщинам обеспеченным. К своим 37 она была обеспечена большим загородным домом с зеленой лужайкой, обсаженной туями, двумя иномарками, хорошими туфлями, маникюром и приходящей дважды в неделю домработницей, которой, правда, платила сама, из небольшой своей редакторской зарплаты. Головомойками, дежурными и экстренными, Маргариту уже 16 лет обеспечивал муж. Чтобы жизнь малиной не казалась.

А малины в этом году было море. Малиновые кусты, купленные пять лет назад по случаю у дороги, были агрессивны и щедры. Они, нещадно вырезаемые каждый год, расползлись далеко за пределы выделенной им территории. За непослушание откупались ягодами, крупными и на редкость сладкими. Собирать их было неохота, ели с куста, остальные падали на землю или оседали в недрах морозилки, если до них добиралась рука изредка приезжающей свекрови. Огород у Маргариты имел название, но не имел вида. В этом году там сидела мята и экзотическая руккола. Вторая была посажена в качестве эксперимента. Когда эксперимент начал цвести желтыми пахучими цветами, его собрали в букет. Укропу и салату всходить было лень. Про любимый всей семьей горох в этом году вообще забыли. Зато еще весной в землю были воткнуты восемь семян кабачков-цуккини и три сетки семенного картофеля. О своей причастности к полевым работам Маргарита периодически не без гордости

рассказывала на работе. В итоге рассказы эти городские маргаритины подруги так и окрестили «Вести с полей».

Вспомнив, как утром, на недолгой прогулке по полю, ее любимый годовалый пес с удовольствием поедал желтые головы одуванчиков, Маргарита улыбнулась. «Следующая станция Новослободская».

Сегодня снимали на Союзмультфильме. Возле входа, который только что съел организованную группу младших школьников, Маргариту уже ждали. Оператор Юра и водитель Сергей, завидев Марго, широко заулыбались.

– Слышала прикол? – выпалил Юра, едва Марго с ними поравнялась. – Лев Аронович берет интервью у Льва Абрамовича! Смешно, правда? Аня придумала вчера, когда мы с Додиным разговаривали.

Маргарита посмеялась. Острые на язык ее телевизионные коллеги все время находили повод для шуток. А с оператором Юрием и вовсе была связана масса историй. Дело в том, что Юра носил от рождения фамилию Путин. И всякий раз, когда нужно было аккредитовываться, фамилия эта оказывала на людей магическое действо. Во многих местах группу именно по ней и запоминали надолго, даже если она не появлялась в этом заведении целый год. Когда же в помощь Юрию Путину был определен Сергей Иванов, веселья стало еще больше.

– Пошли, работнички, – по-дружески сказала Марго и открыла тяжелую дверь.

При входе в тесное фойе оказалась вертушка, какие обычно ставят для сдерживания посетительского пыла при предъявлении пропусков. Причем в данной конструкции народ входил и выходил в один и тот же отсек. Поэтому когда почтенный оператор, обвешанный огромными сумками, неожиданно оказался в вертушке вместе с пышной дамой, желавшей покинуть здание, Маргарита еще раз повеселилась. Закрывшаяся за Юрой металлическая рама отвесила увесистый пинок даме, не успевшей к тому моменту покинуть опасную проходную зону. Съемка прошла в приподнятом настроении.

Обедала Марго уже в другой компании. Коллеги уехали на следующую съемку, она же двинулась пешком в сторону подземки, по дороге намереваясь непременно что-нибудь съесть. Попавшееся на пути заведение расползалось направо и налево, естественно, много обещая. Выбирая между «поесть вкусно» и «поесть быстро», Марго пошла направо. Вскоре приобрела обеденную соседку. Нахлобученная на стул тетка поедала картошку и одновременно говорила по телефону. Она ела быстро, а говорила еще быстрее. Из разговора Маргарита узнала, что 1) тетка работала риэлтером, что 2) нужно было срочно приватизировать двухкомнатную квартиру Петра Васильевича, и что 3) сделать это было крайне сложно, поскольку доля в этой самой квартире принадлежала матери его второй жены, а ее уже давно никто не видел. Тетка была так занята своим разговором, что вскоре ее разговор перестал занимать Марго, и она, голодная, стала опустошать свой поднос. Кроме бумажной тарелки с фаст-фудом и чая на подносе лежал чек, только что ею оплаченный. В чеке значилась сумма – 112 рублей и название блюда – «2 куска». После этого сообщения куски встали поперек горла, и Марго чуть не подавилась. Она подняла голову и огляделась.

Напротив, ровно посередине залитого солнцем окна, сидела девушка. Вся в прыщах. И тоже давилась. Не сводя с Маргариты своих светлых прыщавых глаз, девушка давилась желанием что-то у нее спросить. Это было так очевидно, что М. начала судорожно копаться в отсеках своей плохой памяти, силясь припомнить уставившееся на нее лицо. Знакомы мы что ли? Не нашлось такого. Тогда она вспомнила, как часто люди, которых она впервые видела, морщили нос, потом лоб и, наконец, говорили, что видели ее по телевизору, только не могут вспомнить, в какой программе, и что она нисколько с тех пор не изменилась. Но вряд ли девушка эта была из их числа. Она, видимо, уже давно сидела напротив окна, поскольку стол перед ней был пуст, и глаза тоже. Кроме желания прицепиться к кому-

нибудь, в них больше ничего не читалось. Поединок взглядов прервал телефонный звонок. Звонил маргошин телефон. После слов «Райкин, король Лир, интервью», глаз девушки она уже не увидела – они были с другой стороны туловища, теперь разглядывавшего пешеходов за стеклом. Облегченно вздохнув, М. отхлебнула бумажный кофе и направилась в туалет.

Едва она закрыла за собой дверцу, из соседней кабинки раздался приятный дамский голос: «Добрый день!» Марго вздрогнула. Недрогнувший голос продолжил: «Скажите, пожалуйста, это вы хотели снять квартиру?» На другом конце мобильного провода что-то ответили, в кабинке завязался разговор. Но Маргарита его уже не слышала, ее информационный голод был утолен. Она вышла на улицу и, слившись с тверской толпой, потекла ко входу в метро. Домой.

На лестнице, под высоким, необыкновенной красоты мозаичным потолком с маяковскими стихами, прямо перед турникетами стоял дядька. Обыкновенного роста и совсем обычной наружности, он пел частушки. Под его «целовались бы еще да болит влагалище» всякий заплативший в кассу часть своей зарплаты получал доступ в недра Москвы.

Удивительное дело, – думала Марго, двигаясь к турникету с высоко поднятой головой и по дороге отыскивая знакомые места в мозаичных стихах, – заходят люди, любуются потолком, хватают за хвост гениальные строки, а о чем думают в этот момент? О художнике, который придумал, об архитекторе, о плиточниках, которые выкладывали, о вахтерше, которая знает наизусть, о частушках сомнительной наружности… О чем угодно, только не о самом Маяковском, в честь которого трудились все вышевспомненные, и тем более не о его возлюбленной Лиле Юрьевне Брик, которой половина звезд с этого неба и предназначалась. А они, между прочим, Брик с Маяковским, писали друг другу нежные письма. «Мине тибе хочется». Орфография, кстати, вполне соответствует сегодняшней новомодной и безответственной. Они, конечно, дурачились. Но как любили… Блин.

Проходя мимо самодеятельного певца, выступавшего, видимо для собственного удовольствия, поскольку емкостей для сбора денег вблизи него не было, народ улыбался. И не останавливался. Хорошего настроения хватало до середины эскалатора, далее вниз лица пассажиров темнели. На общем фоне иногда выделялись яркие пятна. Мимо Маргариты проплыло одно из них. В удалявшемся розовом Марго узнала голову нахлобученной тетки. Радостно выкрашенные волосы приковывали взгляд, тело их обладательницы – напротив. Оно было одето в ничем не примечательное пальтецо цвета песка. Сложись жизнь этой замученной квартирным вопросом дамы иначе, все было бы наоборот – сочетание «блондинка в розовом» показалась Марго более привлекательным. Она усмехнулась.

В метро Марго почти всегда везло. Именно отсюда она таскала сюжеты и аккуратно складывала их в свой журналистский загашник, который, как она надеялась, вскоре вполне мог бы превратиться в нечто литературное. Она хотела написать об этом «подмосковном» обществе случайных людей. И метро, в качестве знака ответного внимания, дарило идеи. Иногда совершенно неожиданные и страшные. Вот недавно ехала она по рыжей ветке, думала о чем-то личном и вдруг услышала голос диктора: «Станция Площадь Ногина, платформа справа». И увидела как маленькая девушка с большими серыми глазами, стоявшая у дверей и приготовившаяся выйти, вдруг растерялась, поняв, что здесь и сейчас ей не откроют, постояла в нерешительности, и только когда в вагон с противоположной стороны стали заходить люди, поспешила выйти, с трудом протиснувшись сквозь толпу. В жизни, подумала тогда Маргарита, все ровно также. Принял решение – все десять раз взвесил, обдумал, обговорил, прикинул что будет если не, просчитал варианты, проверил аргументы, все правильно – принял. Набрал воздуха в легкие, приготовился шагнуть (или сказать) – а платформа, блин, справа! А на схеме этого не видно. Это нужно знать. А чтобы знать – разочек прокатиться.

Была у Марго с недавних пор и любимая станция – Площадь Революции, открытая ею недавно, а обществом в 38-м году (об этом она прочла на одном из плакатов, расклеенных в вагонах к юбилею Метрополитена). Станция загадочная и блестящая. У населяющих ее скульптур, среди которых числятся матрос с флажками, комсомолка с винтовкой, красноармеец с женским лицом и впопыхах сложенным парашютом, колхозница с петухом и еще десятка два прочих, некоторые части тела начищены до блеска, сияют и дразнят. У кого нос, у кого гребешок, у кого коленка. Человеку невнимательному объяснить сей удивительный факт вряд ли удастся, а Марго уже не один раз наблюдала, как в прибывающей на перрон толпе нет-нет да и найдется кто-нибудь, кто, проходя мимо фигур, подпирающих своды, обязательно дотронется хотя бы до одной из них. Но не до всякой. Очень популярен нос у собаки красноармейца. А вот, например, спортсмен с мячом и девушка с книгой никого не интересуют. И ребенка у женщины никто не трогает. Объяснения этим действиям Марго не нашла, но предположила, что это к удаче – дотронешься и день хорошо пройдет, или вечер, или ночь, у кого что. Спросить как-то неудобно. Это все-таки личное. Московское. Отличное.

А вот переход с любимой станции на зеленую ветку радовал мало. Он все время всех наклонял. Ненавязчиво полз вверх, настойчиво предлагая принять упор. Что Марго и делала, в конце пути получая вознаграждение – почти всегда на последней площадке пела лысая скрипка. Хорошо пела, с душой.

«Прошу вас!» – молодой человек, очевидный студент пропустил Маргариту в вагон. Дал возможность порадоваться за подрастающее поколение – надо же, еще встречаются воспитанные кем-то люди.

Ехать было далеко, вокруг рассматривать было нечего, поскольку лица были замучены и черны, и Маргарита, достав из сумки несколько отпечатанных листов и дежурный карандаш для пометок, принялась читать. Дочитав, Марго аккуратно вложила листки в файл, файл – в сумку и вышла из вагона. На улице продавали живых раков, раки просили пива, но у Марго в кошельке было всего 300 рублей – не разгуляешься. Сердито зазвонил мобильный телефон, требуя немедленного ответа «ты еще час назад выезжала с работы! долго нам тут голодными сидеть? или тебе все равно?!!» Пока телефон кричал, батарейка села, и телефон успокоился. Как и все вокруг. Маргарита открыла машину, села за руль и поворотом ключа вернула к жизни пятилитровый двигатель. Каблуки полетели на заднее сиденье. Огромный серебристый Мерседес выкатил со стоянки в ночь. Под аккомпанемент Бьорк.

На загородном шоссе было темно и пусто. Какое неожиданное счастье, подумала Марго. На «Максимум» шло вечернее шоу. Она всегда слушала это радио, и в основном из-за музыки, ей нравился набор из Колдплей, Депеш, Рамштайн, Сплинов и Ред Хот Чили Пепперс. Но сегодня двое ведущих чего-то бесконечно говорили, лалалала-лалала-лалала. Похоже, по заданию редакции искали варианты на вечер. Марго взяла и позвонила.

– Здрасьте, меня зовут Маргарита, и я еду в хорошей машине по загородному шоссе домой. Знаете, с каким чувством – мне вас жаль, мужики.

– Интересный голос. Отчего же?

– Оттого, что вам звонят сегодня – мало того, что мало, так еще и дамы, обедненные фантазией.

– Да, мы и сами не в восторге от предложений.

– Так вот у меня к вам по крайней мере четыре предложения. Во-первых, предлагаю отправиться со мной в мастерскую лепить горшки.

– Красиво… Не боги горшки обжигают. Так. А второе?

– Второе – поехать за город кидать снег.

– Что, некому?

– Да нет, есть кому. Просто весело это. Третье предложение – поехать кормить лебедей.

– Тоже красиво. Раковых шеек? А где? На собственном озере?

– Нет, к сожалению, собственное озеро замерзло. Но есть места. С подогревом.

– Нам нравится. А четвертое что? Даже интересно.

– А четвертое, я, пока озвучивала первые три, забыла. Но это и неважно. Может быть и пятое, и шестое. Просто дело в том, теперь вас ждет разочарование, если вы вообще можете испытывать это чувство, – дело в том, что я замужем, и сейчас еду домой к мужу и к ребенку, так что романтического свидания у нас с вами все равно не выйдет. Но. Я готова подарить свои предложения любой первой дозвонившейся до вас девушке, и может быть, у вас с ней что-нибудь получится.

– Очень красиво. А ведь у нас сегодня «вечер недолюбивших»…

– А я и есть недолюбившая. Или недолюбимая.

– Ну что ж, спасибо, Маргарита. Жаль, что вы замужем, а то бы пошли, пожалуй, лебедей кормить.

Первый раз в жизни она позвонила на радио. Поддавшись какому-то минутному порыву. Движимая совершенно не знакомым доселе чувством. Или нет… скорее желанием совершить какой-нибудь смелый или даже отчаянный поступок и победить. Дозвонилась буквально на второй минуте. И тут же, после первых же слов, вдруг отключилось радио, само собой. Так что весь разговор она не слышала и свой голос по радио тоже не слышала. Ну и хорошо. Милый человек Алекс Дубас сегодня в компании с ви-джеем Александром Анатольевичем искал себе романтическое времяпрепровождение на вечер, ожидая в эфире от девушек предложений, которые бы их удивили. Звонили мало и примитивно. В итоге мужички поехали, кажется, на «утку в тандыре». Больше ехать было некуда. Хоть поедят, как следует.

Въехав во двор, Маргарита поняла, что будет весело. На всю улицу орала музыка, на всем участке горели огни. Беседка светилась радужным узором, внутри плясали тени. Она даже не стала заходить в дом переодеваться, лучше сразу. Выпить и расслабиться.

– Здорово, ребята!

– Оооо! Наконец-то, хозяйка приехала, хоть покормит, – навстречу Марго двинулся их общий знакомый, частый гость в доме. Кроме него Марго насчитала еще три человека, включая собственного мужа.

– Не поверю, что вы сидите голодные, – изобразила Марго удивление на лице. – Не маленькие уже, да и не чужие, могли бы мясо пожарить. Я между прочим тоже с работы.

– Прости, но мы уже не можем, – сказал подошедший муж. Из одежды на нем были только шорты. Значит, подумала Марго, танец живота с раздеванием уже исполнялся. Бросив взгляд в сторону мусорного ведра, она быстро сосчитала батарею пустых винных бутылок. Девять. Ну что ж, еще не смертельно, правда, с одним сыром вприкуску, незадача.

– Вижу, – улыбнулась Марго, засучивая рукава. – Давайте кормиться, что тут у вас?

– Люляки, – сказал муж, заикаясь, – ой, еще раз, лю-ля-ки, – произнес он по слогам, внимательно отслеживая каждый звук.

– Ладно, ладно, сейчас пожарим, – Марго уже все поняла и поставила себе цель быстро всех накормить и отправить по домам. Развлекать четырех нетрезвых мужчин ей было привычно, но именно сегодня совсем не хотелось.

Пока жарили и ели, разумеется, вели пьяные беседы. Мужчины. Маргарита молча наблюдала, хотя и была невольным объектом этих самых бесед.

Кирилл, их давний приятель-банкир, часто заезжающий к ним по-соседски со своими перепелами и водкой, глядя на Марго, но явно обращаясь к ее мужу, неожиданно спросил: «А он тебя удовлетворяет?» Маргарита улыбнулась. В ожидании ответа. Муж ответил без промедления: «А ее невозможно удовлетворить». В этот момент Кирилл еще внимательнее

посмотрел на нее, но она не отреагировала, ждала, и не напрасно, муж продолжил: «Ее невозможно удовлетворить, она уже всем удо-влет-во-рена, ей ничего не надо, у нее все есть». Слово «все» он особенно подчеркнул. И тут же уронил голову на грудь. И в этот момент Марго действительно ничего больше было не нужно.

Проводив поздних гостей до машины, где их ждала охрана, Маргарита вернулась в дом.

Обыкновенно после ухода гостей Валерьян (так по-дружески звали мужа его друзья) и Маргарита втаскивали в дом остатки пиршества и посуды вместе. Затем муж водружался на свое любимое кресло, стоявшее в кухне аккурат напротив телевизора, непременно кладя ноги на стол (из какого американского прошлого взялась эта привычка, сказать никто не мог), наполнял бокал красным густым вином и принимался лузгать соленые белые семечки. А жена, как и было ей положено природой, принималась за уборку. Делово и неторопливо она составляла гору грязной посуды в посудомоечную машину (какое счастье, что был этот агрегат!). Казавшееся легким на первый взгляд дело занимало у нее минут пятнадцать. Потом убирала недоеденное в холодильник, попутно наводя там порядок. Освобождала от лишних предметов большой обеденный стол, вытирала его начисто. Пшикала специальным средством, а затем и скребла решетки, на которых только недавно в последний путь провожали курицу, свинину или индюшку. Мыла плошки, салатницы и разделочные доски, не помещавшиеся в посудомойку. Складировала пустые пивные или винные (в зависимости от настроения гостей) бутылки. Завязывала мусор в пакеты и выставляла за дверь. Хозяин дома, не меняя положения ног, наблюдал то за действиями жены, то за картинкой на экране. Когда это занятие ему надоедало, Валерьян с тяжелым вздохом уставшего от жизни человека, поднимался, подходил к холодильнику, открывал его, извлекал из ледяных недр зеленое яблоко или апельсин, мыл, вытирал полотенцем и, вместе с фруктом и полотенцем, отправлялся по длинному коридору к себе в спальню. Заведенному когда-то самим же собой ритуалу Валерьян не изменял никогда. Со временем все полотенца бы перекочевали на Валерьянову кровать, скрывая в своих складках остатки витаминной мякоти, если бы Маргарита периодически не убирала с постели эти признаки свинской, как ей казалось, привычки. Иногда, донося до мусорного ведра, она все же неосторожно раскрывала ткань, и тогда на пол высыпались многочисленные косточки и огрызки, свидетельствующие о бесконечной заботе хозяина дома о собственном здоровье. К тому времени, как Маргарита заканчивала убираться на кухне, часы показывали уже далеко за полночь. Мелодичный храп, доносящийся из комнаты мужа, давал надежду на спокойную ночь.

В тот вечер в ванной с ней случилось дежавю. Только вчера она откупорила большую металлическую банку с черной икрой, купленной по случаю у барыги, и впечатлилась картинкой – черная блестящая масса была так сильно набита в посудину, что, когда сняли крышку, на этой самой крышке толстым полукруглым слоем осталась лежать часть. И первым делом хотелось съесть именно ее, вроде как лишнюю. Теперь по обочинам верхней крышки только что открытой новенькой банки лежал белый манящий крем. Он пах страницами дорогой жизни, сиял лицами гламурных красавиц. Упиваясь мгновением, Марго запустила в крышку палец и непозволительно щедро намазала умытое лицо. Лицо тут же съело подарок и выжидающе посмотрело на нее в зеркало. «Хватит», – подумала она и, плотно навинтив крышку, пристроила вожделенную двухсотграммовую (!) банку в угол туалетного столика, подальше от желающих помазать прыщ на жопе чем-нибудь жирненьким.

Потом Марго зашла в комнату сына, поцеловала в макушку. И, уединившись в голубой (так она называла комнату, в которой иногда с удовольствием спала), залезла в вечно разложенную постель. Подперла спину подушками, водрузила на колени ноутбук и окунула пальцы в привычную мякоть букв.

Эти ночные свои бдения в последнее время она любила особенно. И очень ждала. Она должна была писать каждый день. Писать непременно. Так сильно ей этого хотелось. Иначе все забывалось, проваливалось в историю никому не нужных людей, ничего не значащих событий, ничего не производящих впечатлений, ни… Ни-ни. Никому, ничего, никогда. Неинтересно. Не Ей. У нее была удивительная и никому-не-нужная способность цепляться. За людей, за события, за слова, за взгляды, за удовольствия, за… за руки и за губы. Она не верила в вечные темы и знала, что завтра, возможно, умрет – носится на машине, спускается в метро, скандалит и задирается – почему бы нет… Почему бы сегодня не жить на полную катушку, если завтра может просто не быть. Почему бы нет. Она очень любила красное вино, скорость, путешествия и странную музыку. Окружающим эти пристрастия как правило были непонятны. Женщины ее опасались, хотя и искали ее компании, очень уж она была весела, а мужчины… мужчины увлекались ею, безотчетно, радостно и надолго, очень надеясь на ответное внимание, и с каждой случайной встречей все более увязая в сетях ее удивительного обаяния.

Сегодня Марго придумала, что ее зовут Асей. И что ее Ася никогда не любила своего имени. А потому всякий раз представлялась, в зависимости от обстоятельств, то Ассой – «ой, неужели, после фильма Сергея Соловьева кого-то так называли?» – неужели! То Ассолью. С этим именем было проще – каким бы странным оно не выглядело на фоне современного города, оно было знакомо и очень понятно, оно даже рисовалось как-то красочно: милая и юная девушка с длинными развевающимися на ветру волосами, в широкой юбке и скромной блузе с рюшами на берегу моря ждет возлюбленного, ее все жалеют и никто не понимает. Чем не героиня? Это ничего, что таким именем нормальные женщины своих дочерей не называют. Зато остальным – все понятно, и все конкретно. Ну, кто будет задумываться о том, что родивший Ассоль Александр Грин был на самом деле не тем, за кого себя выдавал. Он был обычным Гриневским, который страшно любил выдумывать о себе всякие небылицы – как ходил по лесам с разбойниками, как нашел на Урале золотую жилу, в один миг разбогател и тут же промотал целое состояние, как путешествовал по пустыне и едва не погиб от рук бедуинов. Хотя сперва был обыкновенным рассеянным ребенком, потом бродягой, матросом, рыбаком, а затем и ссыльным по политическим мотивам. Романтик, в общем. Никому не интересный романтик. Каких тысячи. И от безвестности спасла его единственная стоящая выдумка – Ассоль. Был еще вариант представляться «Астильбой», загадочно, конечно, но слишком уж. Красивое растение, которое росло у Марго в саду, для имени было too much. Так что в большинстве случаев она была просто Асей.

Дальше фантазий вокруг имени этой ночью у Марго дело не пошло. Ася не была постоянной героиней ее текстов, сегодня хотелось просто развлечься. Немного получилось. Маргарита с удовольствием втянула носом запах ночной деревни, сочившийся в окно. Тридцать седьмой в ее жизни «двадцать два ноль три» благополучно заканчивался. И в конце этого самого обыкновенного 22 марта она пребывала в отличном настроении и потому совершенно не хотела спать. Она была готова делиться своей энергией и прочим вздором со всем миром.

Марго встала, проскользила в одной рубашке по длинному коридору на кухню, налила бокал красного вина, вернулась под одеяло, устроила ноутбук у себя на коленях и, ткнув мышью на чистую страницу, начала писать.

ВЗДОР

Я пошла в ванную комнату и чуть не растеряла то, что хотела написать.
Чуть.

Как бы я хотела…

Медленно и в небо говорить «Вздор! рр!» Сумасшедшее слово, я будто сделалась влюблена в него.

Как бы я хотела жить у моря. На втором этаже, с деревенскими занавесками, с соснами в окно, с шумом волн. Об этом я мечтаю давно. Я должна быть в этой мечте писателем. Я пишу и смотрю в окно. Мне хорошо. Спокойно. Мне приносят молоко. У меня есть время. И нет нервов. И нет цейтнота, когда нужно что-то быстро писать, куда-то нестись, сдавать, успеть, толкнуть, послушать, посочувствовать. Мне было бы так хорошо на море. Я бы писала книгу, пила красное вино. Я и сейчас его пью, только за окном шум шоссе, а в голове не пойми что. В коридоре в клетке беснуются крысы. Завтра ехать на собачью площадку.

Я впервые пишу, не думая. Что пишется, то и пишу. Мне так понравилось у Миллера правило – никогда не править написанное. Что написалось, то и суть вещей. Не надо прилизывать текст – это и есть первый шаг на пути к самой цели. Написанное всегда кажется несовершенным. Плюнь. Если это кому-то будет интересно, значит, будет интересно. Стиль – ничто.

Случайные орешки падают на ковер. Выгребаю ладошкой, теряю, они падают. Вино – так себе. Зато настроение – море. Даже ничего по делу писать не хочется. Висит недоделанным сюжет о Курехине – вот был человек, завидую его жене, Насте, я с ней вчера разговаривала, они любили друг друга. Мне кажется, с таким можно две жизни прожить, мне кажется, не знаю. Но он умер. Сердце. 42. Он был гений. Она плохо выглядит. Как будто очень старая. Много энергии, но и много горя перенесла. После смерти мужа, повесилась дочь. Я бы не пережила. Она молодец, смогла, делает фестивали. Но смысл? Его забрали, дочь забрали, а что же ей делать – сына растить, сын еще есть. Я всегда знала, что есть родство по крови. Это чувствуешь, только, к сожалению, не с первого взгляда. Это что-то такое тонкое, что замечаешь, анализируя. Курехин был мой человек. Хотя знакомы мы были какие-то полчаса, пока писали сюжет, в 92-м, о фильме «Два капитана-2». Они с Гребенщиковым сидели за столом, гнали всякую пургу, а наша съемочная группа в это время покатывалась со смеху. Нам так было хорошо, и им было хорошо, они были счастливы моментом, им было в кайф плести всякую чушь и, не замечая окружающих, получать удовольствие, драйв…

Ну вот, растеряла все орехи.

Сейчас буду читать «Жюстину» Маркиза де Сада. Средневековая чушь, но с чувством. На органы действует. Ничего не меняется – по-прежнему, все великие дела на Земле делаются из двух побуждений: желания прославиться и полового влечения. Вот и мне иногда так хочется сделать что-нибудь великое…

Займусь собой…

Марго допила оставшееся в бокале вино. Отправила ноутбук на зарядку до следующего утра, поставив его на пол. Сползла в теплую темноту одеяла. И, запустив правую руку в шелк кружевной ночной сорочки, выключила свет.

Ночью Марго снился город.

Глава 3

Город спал. Серая предрассветная весна толклась у входа в отель. Провожала сонным взглядом редкие проезжавшие мимо машины. Строила морды мокрому асфальту. Заглядывала в цветные окна, мучившиеся бессонницей.

Мужчина вышел из комнаты. Женщина встала с постели и начала медленно одеваться, наблюдая за собой в огромное зеркало, висевшее напротив кровати. Ей явно не хотелось уходить. Не хотелось покидать это случайное пространство. Не хотелось покидать Его мысли о ней, Его сны, тепло Его пальцев, Его дыхание, настойчивость Его губ. Ей очень хотелось хотя бы однажды проснуться рядом. Но это было невозможно – рядом с Ним просто не было места.

Пока мужчина принимал душ, женщина принимала решение. И никак не могла его принять. Уже в который раз. И ловила себя на мысли, что через несколько дней вновь будет сидеть перед зеркалом – в этой комнате или в какой-то другой, и угадывать в нем свои невысказанные желания.

Женщина глядела на себя в зеркало и улыбалась: «Это же надо придумать мне имя – Мага. Прекрасная юная Мага из романа Кортасара, которым мы так увлекались в студенчестве. Ветреная особа, любящая джаз, саму себя и читающая экзестинци… блин, даже выговорить не могу, еще раз – экзистенциалистов, ура. Красивая, дурная и очень искренняя. Я так и представляю себя, стоящую зимой в белых джинсах (Мага же родом из Аргентины, где все ходят в белых штанах) перед огромной витриной игрушечного или цветочного магазина. Там Он меня и увидел. Назвал, полюбил и подарил мне второй день рождения, отыскав в католическом календаре мое нерусское имя, а вместе с ним и именины. Именины совпали с днем Его рождения и тем самым положили начало большой игре: теперь каждый год ровно в этот день бьются наши души – кто кого раньше поздравит.

Сейчас Он выйдет, и я назову его Оливейра. Как у Кортасара. Он не обидится. Только посмеется. У него нет имени, он всякий раз разный».

– Ну что, Мага, поедем? Уже поздно.

– Только не оставляй его здесь, пожалуйста, – женщина кивнула в сторону подсолнуха, застывшего в бутылке из-под вина.

– Анна Андреевна будет счастлива, – Он улыбнулся.

– Не будет. Ее еще нет. Памятник Ахматовой появится в Москве только в 2007-м году.

– Неужели? Ты-то откуда знаешь?

– Не забывай, пожалуйста, что я журналист.

Он многозначительно и по-детски трогательно выпятил вперед нижнюю губу, как делал всякий раз, когда не знал, что сказать, (и в этот момент Она обожала Его), улыбнулся и взъерошил Ей волосы, мол, все-то ты знаешь.

Когда они вышли на улицу, город еще спал. Было спокойно и свежо. Они молча пошли к припаркованным недалеко машинам. Остановились возле одной из них.

– Ну что, Мага… Я тебя провожу. Сегодня без мигалки.

Женщина улыбнулась и кивнула в ответ:

– У тебя завтра летучка в 11? Можно я не приду? Не высплюсь.

– Нет, конечно, нельзя. Кого же я ругать буду? – Он положил цветок на капот машины и обнял ее. – Слушай, Мага, а ты меня любишь?

Она улыбнулась.

– Нет. А ты меня?

– И я тебя нет.

– Вот и хорошо. Значит, с нами ничего не может случиться.

– Решительно ничего, – сказал Он и замолчал, прижимая ее к себе.

– Ремарк, «Три товарища», – победно произнесла Она.

– Тебя не поймаешь. – Он взял обеими руками ее лицо и поцеловал. – Ну, давай, езжай аккуратно, я прослежу. Доедешь, прочти, – Он достал из кармана сложенный листок бумаги. – Я тебе тоже написал письмо.

Женщина села за руль. Он захлопнул дверь и пошел к припаркованной следом машине. Через минуту оба автомобиля друг за другом тронулись.

«Наверное, я должен был проводить ее до самого дома… Средняя скорость в городе 60 км. Она едет чуть быстрее, ускоряясь в момент переключения светофоров, – дает понять окружающим, что желтый ее любимый цвет.

Нравятся ли мне эти проводы на машинах?

Такое у нас настоящее. Близость ограничена габаритами.

Мы едем по новой трассе, далекой от всех проспектов. Где-то в памяти ползет троллейбус. Мы внутри, снаружи снег крупными хлопьями. Мы прижаты друг к другу обстоятельствами – это жесткие слои атмосферы. Локти и портфели говорят – ну, давай же. Мы треплемся ни о чем. Ни о чем продолжалось долго.

Я ничего не сказал ей. Она ничего не ответила…

Я слежу за ней фарами. Я вижу ее силуэт. Хрупкая тень между двух стекол. Ей идет одиночество, даже в медленном танце. Настоящая Мага, ее невозможно растворить в толпе. Такой я увидел ее в первый раз. Мага стояла одна у витрины и ждала приключений. Моя заслуга в том, что я познакомил ее с Ангелом.

Кто ей сейчас нужен, знает только она сама. Она выбирает, не я. У меня ушли годы, она уложилась в три дня.

Мне обидно? Нет. Даже не знаю, почему.

Я нервничал, это было. Я сопротивлялся, это тоже было. Меня ведь ждали на другом конце города.

Зеленый – значит ехать. Но я жду красного. В 36 я бы поехал, хотя бы из вежливости. Но в ту ночь мне было 28. И я нашел ее губы. Милая моя, как же мне хорошо с тобой. На час я Калиф-аист. Я смеюсь и падаю, вспарывая воздух своим счастьем. Какое там было волшебное слово? Не помню. Слишком не важно это. Ее слова. Слишком не важно это…»

Две машины скользили по просыпающемуся городу. Мелькали витрины, пластиковые люди в них, сонные светофоры. Моргали неверным глазом рекламные таблицы. Начавший было моросить дождь, сразу же одумался и остановился. Дворники затихли на стекле.

На очередном дежурном светофоре машины стали притормаживать. Но вдруг первая неожиданно рванула вперед и, проскочив пустой перекресток на финальный желтый, стала быстро исчезать из поля зрения. Вторая машина так и осталась стоять в ожидании зеленого.

«Наверное, мне нужно было проводить Магу…

Но вдруг немедленно захотелось прочитать, что она написала. Так поступают дети, увидев подарок, – «спасибо» уже потом, вначале то, что внутри.

Я вообще в последнее время веду себя как ребенок. Стырил цветок на важном для меня совещании. Перенес все остальные встречи и убежал довольный. Как начальник я полагаю,

что все вокруг счастливы, когда у меня хорошее настроение. Меня ждет Мага! Неужели вы не понимаете?!

Что же она мне такое написала?

– У вас все в порядке? – в стекло автомобиля стучит милиционер.
– Все нормально, спасибо.

Уже глубокая ночь. Я сижу в машине под фонарем и все читаю и читаю.
Я понимаю каждое слово, зачем оно и почему. И потому мне ближе эти две страницы, чем весь Кортасар и все другие приличные ребята. Я – единственный читатель и горжусь этим. Боже мой, как она пишет. Просто и естественно, так и идет по жизни. И скучаю я…
Мне стыдно за свои премии.

Где-то в городе летает ангел мой темноволосый…»

Дождь ударил в стекло. Маргарита резко открыла глаза и, глубоко вдохнув сырой воздух, ворвавшийся в приоткрытое окно, на мгновение затаила дыхание. Ей опять это снилось?

Она посмотрела в темное окно, за которым метались деревья, и подумала о том, что всякий раз, когда читала это письмо, боролась с желанием расплакаться. Хоть и прошло 189 лет. Ровно столько, сколько она не могла его публиковать. Истрепалась бумага, стерлись буквы, но не чувства. Не мысли. Не желания. И даже запахи остались прежними…

Она прикрыла сонные глаза и вдруг улыбнулась.

Смешной. Высказывая свою волю относительно ее желания писать, он, конечно, дурачился, выдумывая запретные сроки и никак не желая верить в то, что строки его очень личных писем когда-либо увидят дневной свет. И был прав – никто не сможет прочесть их. Письма принадлежали только ей. За исключением первого и самого главного, того, которое многое решило за нее. 189 лет назад. Она не имела права размножить и раздать его письма. Да и не решилась бы никогда. Не решится.

Она отдаст миру свои. С одной единственной целью – освободиться.

Освободиться от того, чем каждый день прибавлялась ее грустная писательская коллекция, – от слез, от криков, от непонимания, от недосказанности, от переизбытка чувств, от нелюбви. И в то же время от любви и дурацких надежд на нее. Освободиться от текстов, живущих в ее девичьей памяти, в ее мягкой душе и на переполненном жестком диске ее серебристого Мака. Это было очень важно и не могло больше ждать. Она должна была рассказать.

Глава 4

Тошнота

Страшно хотелось творога. Белого, жирного, купленного вчера в «Жуковке Гурмэ». Я отправилась на кухню. Может быть, и неправильно употреблять чай с молоком после двух бокалов красного сухого вина, но очень хотелось. Вместе с творогом. Наложила, налила горячего крепкого чая. Съела две ложки творога со сметаной – вкусно очень. И вдруг услышала крик. Кричали из спальни. «Ой, блядь, ой, как же больно!». Муж. Пьяный. Полчаса назад вернулся из «Перца» с нашим приятелем Мишей, с тем, что на Мерседесе и с охраной. Миша трезвый, а наш… Выпили еще две рюмки. Миша уехал, Валера тоже – в спальню. Думала, что уснул уже. Куда там.

Крик повторился. Я нехотя встала из-за стола, очень уж не хотелось расставаться с плошкой творога и чаем. Дверь в спальню была закрыта. Валера стоял на коленях перед кроватью и громко причитал. Нога его правая выше колена была здорово ободрана – ударился со всей дури о кровать, когда шел в темноте из ванны. В комнате стоял тошнотворно кислый запах. Я сразу даже не поняла в чем дело. Подойдя ближе, чтобы помочь В. подняться, увидела страшное.

Сколько раз я ловила себя на мысли, что жизнь и книги – одно целое. Что все, о чем пишут люди, умеющие складывать слова, это все есть вокруг. И если раньше ты не видел, не слышал или не замечал деталей, то, стоило тебе прочесть об этом, как ты почувствовал, что открываются глаза, и нюх обостряется. И все печатное начинает происходить с тобой. Рю Мураками написал «Все оттенки голубого». Ужасная книга. Не понимаю, что в ней такого особенного, заставившего говорить о себе. «Новое слово», «открытие»… Про наркоманов, про кровь, про таблетки с трудно произносимыми названиями, про огромные члены чернокожих, про засосы, про сперму и про бесконечно кислый запах блевотины. На каждой странице. С подробностями, с деталями. До тошноты. До рвоты.

Ее-то я увидела, бросив взгляд на изголовье кровати, возле которого на деревянной тумбочке всегда лежала гора книг, журналов и газет. Все, включая пуховое одеяло, подушку в свежей наволочке, простынь и наматрасник, было розового цвета, в котором застряли кусочки красного. То ли капуста, то ли свекла. На полу желтого коврового покрытия уже не было, было что-то неопределенного цвета, но определенного запаха. Тумбочка была уляпана, книги тоже. Огромное вонючее море.

– Какая же ты свинья! – в сердцах сказала я, лихорадочно соображая, что мне со всем этим делать.

Муж по-прежнему стонал. То ли от боли в ноге, то ли от ужасного внутреннего состояния, в котором иногда оказываются пропойцы. Я принесла с кухни «Спасатель» и толстым слоем намазала ссадину.

– Ох, – простонал муж и, приподнявшись, стал пробираться к подушке.

– Туда нельзя, – попыталась остановить его я и схватила за руку. В плохо фокусирующихся глазах прочитала немой тупой вопрос. – Там грязно, не видишь что ли? – сказала я раздраженно. – И убирать ЭТО я сегодня не намерена, пусть все так и валяется до завтра. А завтра, – сказала я громко, сделав паузу, – а завтра ты проснешься и будешь мыть все сам.

– Да, – промычал В., явно не соображая, что я от него хочу. – Какая же ты сука. Сука! – крикнул он громче. Лучше я перережу себе вены. Или горло, – добавил он, немного подумав.

Я нервно рассмеялась.

– Тебе, гадина, смешно. Ну ладно, – промычал он и, отстраняя меня от двери, нетвердой походкой направился на кухню.

Я подошла к кровати и стала снимать грязное белье. Только сегодня все поменяла, какое свинство. Выкинув вонючую кучу в коридор, взяла тряпку, намочила ее и попробовала оттереть тумбочку. К горлу подкатила тошнота. Встав с корточек, я вроде бы справилась с ней, но как только попыталась продолжить, все повторилось. Усиленное в несколько раз. Теперь уже рвало меня. Я опрометью бросилась в ванную и настежь распахнула окно. Ночной весенний воздух меня спас. В этот момент на кухне что-то с лязгом и с периодичностью начало падать. Бросив тряпку, я нехотя отправилась на звуки.

Посередине кухни стоял голый В. Глаза была закрыты, лицо перекошено, в руке он держал огромный тесак, острием которого пытался тыкать себе в горло.

– Господи, Валера, – я забрала у него нож. – Чего ты вздумал?

Муж тут же схватил другой из стоящей на столе стойки для ножей. Этот, другой, я тоже отняла и кинула в ящик.

– Иди отсюда, – толкнула мужа к выходу. Он хотел было сопротивляться, но тело явно его не слушало.

Проведя тело по коридору, я запихнула его в другую спальню, уложила в кровать и накрыла одеялом. Но муж вдруг резко вынырнул из-под него и побежал в свою комнату. Перед лужей остановился.

– Ой, тут грязно… – покачнулся в недоумении. И, увлекаемый мною, покорно поплелся в другую комнату. Где, наконец, улегся.

Вышел Женька. Он все это время пытался заснуть.

– Слушайте, можно потише, – сказал он, с любопытством заглядывая в спальню.

– Можно. Только что я могу сделать, ты же видишь, какой он. Иди, закрой к себе дверь и ложись спать.

Сын ушел к себе, но дверь оставил приоткрытой.

Мне предстояла адова работа. И я совершенно точно понимала, что я не должна ее делать. Эту противную и грязную работу я не должна делать! Вместо чая ни с того ни с сего поиметь блевотину. Отлично. Как будто это я гудела в ресторане, жрала там водку и теперь должна расплачиваться за свое плохое поведение!

Сначала я запихнула все грязное белье в ванну и залила его водой с большим количеством порошка. Может, до утра, весь винегрет отмокнет. Потом взяла чистое полотенце, намочила его и попыталась пристроить на лице в качестве маски. Булавкой не вышло, вышло заколкой типа крокодил. Для пущей надежности побрызгала полотенце своими фиговыми (то есть инжирными) духами. Надела огромные красные резиновые перчатки, которыми обычно пользовалась моя домработница с крестьянскими руками. Взяла колючую щетку, налила в таз пенящейся от порошка воды и решительно направилась к месту действия. Вытащив тяжеленную тумбочку на середину комнаты, я приступила.

Приступов больше не случилось, фиговое полотенце работало прекрасно. В работе ничего интересного не было. Одна блевотина. На нее ушло минут 15, таз воды, и полтонны бумажных полотенец.

Потом я допивала холодный чай с кислым творогом. И смотрела по телевизору неинтересное кино.

А муж мирно спал в моей спальне. Там, где пахло мимозой.

Теннис и арбузная корка

Когда он вошел на кухню, я как раз собиралась есть. Достав из холодильника кастрюлю с ухой (сколько будет, бедная, стоять), я водрузила ее на плиту.

– В теннис пойдешь играть? – как всегда не вовремя произнес муж.

– Я есть хочу, вот обедать собралась. Ты уху будешь?

– Нет, конечно. (С некоторых пор он не обедал в надежде похудеть еще больше). Слушай, а может быть, нам вообще этот стол убрать, а? Зачем он там стоит, место занимает? Вы же категорически не желаете играть со мной. Причем, никогда. На хрен мы его вообще покупали, деньги тратили, – сказал муж. В его голосе ощущался наезд, в глазах вспыхнул недобрый огонек.

– Ну, иногда все-таки играем, – как можно более мягко парировала я, наливая суп в тарелку, очень уж не хотелось вместо обеда поиметь скандал. На что муж, смерив меня уничтожающим взглядом, промолчал и вышел из кухни.

Минут через двадцать, впрочем, он туда вернулся. Я к тому времени, поев, возилась со стиральной машиной. Постиранное белье надо было вынести на улицу и развесить на сушилке.

– В теннис пойдешь играть? – как ни в чем не бывало спросил он.

– Нет, – спокойно ответила я, стоя посреди кухни с грудой тяжелого мокрого белья.

– Почему?

– Не хочу, – сказала-отрезала я и, выйдя за дверь, направилась к беседке.

Я успела сделать четыре шага, когда, шлепнув меня по спине, к моим ногам приземлилась обгрызенная увесистая арбузная корка, со свистом вылетевшая из кухни.

Билет

Наш помощник Назим уже целый месяц жил на низком старте. Он хотел уехать еще в начале августа, сразу же после нашего возвращения из отпуска. Однако сделать ему это не удалось, поскольку, начав поиски человека для его подмены, мы почти сразу же поняли, что дело быстро не сделается. Помощника по хозяйству на 600 долларов, которые мы планировали назначить в качестве зарплаты, найти оказалось очень трудно, а может даже и невозможно. Поиски затянулись. Агентства подняли ставку до 700, и мы сдались. Стали искать сами. Через Толика, человека деятельного и вездесущего, знакомого нашей домработницы, нашли, наконец, нечто подходящее. Иван из Молдовы согласился на 600, внушил нам некоторое доверие своим 54-летним видом и въехал в дом к Назиму на следующий же день. 29 августа Назим попросил меня купить билет в Душанбе.

В машину мы садились порознь. Мой муж прождал меня возле авиакасс полчаса. За это время успел выпить в придорожном кафе «мохито» за 270 рублей и слегка надуться – ждать он не любил, если не сказать резче, зато любил заставлять ждать других и никогда не чувствовал себя виноватым или обязанным. Поскольку ключи от «Мерседеса» были у него, сев справа от водительского места, он завел двигатель. По выражению его ставшего вдруг красным лица я поняла, что сейчас начнется. Так и случилось. Но живописнее, чем я ожидала. Когда я заблокировала двери и тронулась, Он зазвучал. Жаль, что не могу передать громкость – долби саррaунд.

– Ты что, сука, не слышала, что я тебе утром сказал? Я четко сказал тебе, что Назим должен остаться еще на неделю: во-первых, он не успел доложить камень по забору, а во-вторых, он еще должен откачать канализацию. Или тебе вообще насрать на все? Может ты сама будешь говно выгребать, а, тварь? Вообще меня не слышишь, принципиально? – с этими словами муж вцепился мертвой хваткой мне в руку.

К тому моменту я уже вырулила на Тверскую, сделав круг по 2-й Тверской-Ямской, и поравнялась вновь с тем переулком, где находились кассы. Несколько опешив от столь жесткого и, главное, неожиданного нападения, и поняв, что в очередной раз сделала что-то не так, я остановила машину и покорно начала объясняться.

– Про канализацию я не слышала, потому что машина приезжала вчера, и я была уверена, что все сделали. А билеты на завтрашнюю ночь я взяла всего лишь потому, что больше до 14 числа билетов в Душанбе нет, совсем – там какой-то форум будет, и все продано делегациям, даже бронь авиалиний забрали. Единственная возможность или завтра, или уже после 14, а это через две недели. Назиму каждый день звонит семья и спрашивает, когда же он, наконец, приедет, как обещал месяц назад. Камень положит новенький, Иван, надо же ему с чего-то начинать. А канализацию откачаем завтра, еще целый день есть… Но если ты против, то я могу прямо сейчас пойти и сдать этот злосчастный билет, потеряем всего 10 процентов, 850 рублей…

– Да, сейчас! – заорали с соседнего сиденья. – Я буду кому-то дарить тысячу! А ты ее, сука, заработала! Ты, тварь, теперь самостоятельные решения принимаешь, да? Меня уже на х… послала, со мной уже советоваться не надо, да? – тут он перехватил мою руку выше локтя и сжал так, что слезы брызнули из моих глаз. Отвернувшись, чтобы не расплакаться, я левой рукой нажала на ручку двери и попыталась ее открыть. Желание вернуться и сдать билет боролось во мне с желанием выскочить из машины, бросив в ней все что было – и сумку с деньгами и документами, и изрыгающее слюни и ругань тело моего мужа.

– Куда собралась, сволочь! А ну, закрой дверь и поехали домой!!!

– Пока мы не отъехали далеко, я хочу пойти сдать билет. Разницу отдам тебе с зарплаты, а Назим уедет позже, – пытаясь вернуть самообладание себе самой, спокойно проговорила я.

– Чего ты заработаешь, чего ты заработаешь? Ты на своей сраной работе можешь только время проводить, а что делается дома тебе глубоко наплевать, тебя ничего не интересует. Убиралась бы уже куда-нибудь, туда, где шатаешься целыми днями, потаскуха! И ничего сдавать не надо! Пусть уеб… вает.

(В этом месте, по законам жанра, уже должна была пойти пена из его рта, которая многое бы объяснила, но ее не было. Ее никогда не было).

Мимо по улице проходили люди, но стеклопакеты не пускали их внутрь. Люди ничего не слышали. А мне казалось, что я могу протянуть руку, схватить любого из них, и он мне обязательно поможет, вытащит из плена этого громкоговорителя. Но я не пошевелилась. И мой заботливый муж продолжил:

– Говно будешь ты сама выгребать! Я тебя его жрать заставлю, чтобы задумалась, куда оно девается! Жрать заставлю!

Желая подтвердить всю серьезность своих намерений, он схватил левой рукой меня за затылок и со всей силы рванул волосы на себя. Сколько их осталось там, у него в лапе, боюсь даже предположить. Бедненькие. Слава богу, короткие.

– Давай, поехали, сука! Шевелись!

Ехали мы долго. Ленинградка стояла вся, даже там, где обычно пробки не наблюдалось. Муж периодически пытался возобновить приятный разговор. Я не реагировала. Я уже поплакала, уже незаметно вытерла слезы со щек, и теперь сидела с отсутствующим видом. Как часто бывает в такие моменты, мой организм отдыхал, опустив шторку на мир. Я ни о чем не думала, ни на кого не злилась и даже никого не вспоминала добрым словом. Мне было все равно. Я держала руки на руле, ногу на тормозе и глаза на дороге. Я держалась. По радио в прямом эфире шел опрос на злободневную тему: можно ли в Москве найти мебель по вкусу.

– Так это любой менеджер или хозяин магазина позвонит и под видом покупателя будет нахваливать свою продукцию, – со смешком и, явно рассчитывая на мое участие, сказал развалившийся на соседнем сиденье муж.

Я промолчала.

– Как поедем – по Волоколамке или через Октябрьское поле? – спросила я спустя 2 километра и 30 минут.

– Ты же у нас сама принимаешь решения, вот и езжай, – язвительно прозвучало в ответ.

Дома мы были только через полтора часа. Наш десятилетний сын гонял по двору на роликах с другом Максом. Обрадовавшись, что мы приехали, он подлетел ко мне и шепотом сказал: «Мам, я не обедал. Не хотел просто. Папе только не говори, ладно? Я вечером хорошо поем». Сделав строгое и недовольное лицо, я, тем не менее, вступила в коалицию.

Через полчаса мы втроем ужинали на улице. Почти не разговаривая.

Через час муж отвел меня в сторону и доверительно сказал на ухо, впрочем, не дружественным тоном, а скорее начальственным, что у него на попе страшное раздражение и ему очень трудно сидеть, нужно чем-нибудь помазать. «Хорошо, я помажу тебе левомеколью, она заживляет», – сказала я без эмоций и, отправившись на кухню, взяла из шкафчика зеленую баночку с мазью. В коридоре по дороге в спальню меня перехватили: «Разве эта не та мазь, которой ты мажешь лишай коту?» – возмущенно спросил муж.

– Та, ну и что, это человеческая мазь, она продается в аптеках, только в других упаковках.

– Да на этой банке крупными буквами написано «ТОЛЬКО ДЛЯ ЖИВОТНЫХ»! – возопили в ответ.

– Это хорошая человеческая мазь, но если ты не хочешь, не буду тебя ею мазать.

Муж кивнул, я развернулась, чтобы идти обратно в кухню, и вдруг, замерев, произнесла: «Да ведь ты и есть ЖИВОТНОЕ».

С вытаращенными глазами он был похож на безумную жабу.

– Какая же ты сволочь! – прошипело мужнее тело и выскочило в сад.

Душистая улыбка

Когда Он начинает кричать, все вокруг прячется что куда, мелкими перебежками и под плащом-невидимкой. Сказать, что моя душа уходит в пятки – первое, что приходит в голову.

Моя Душа скоростным лифтом спускается вниз, и, распластавшись миллиметровым слоем под самым маленьким на левой ноге ногтем, принимает вид давно вышедшей вон. Она не дрожит, не оправдывает своего существования, не печется о собственном достоинстве. Нет. Она опускает ресницы и еле слышно повторяет: «Я умерла, я умерла, я умерла, я умерла». Когда же все стихает, и земля перестает дрожать, она радостно возвращается на свое привычное место жительства. С маленьким дежурным чемоданчиком под мышкой. Содержимое чемоданчика время от времени меняется, но бессменные участники этих печальных путешествий за долгие годы уже привыкли друг к другу и даже сдружились.

Теплые блинчики с мягким сыром дорожили своей дружбой с красным вином и шоколадом, яркий лак для ногтей водил знакомство с бюстгалтером, оборудованным гелевыми подушечками, а совсем недавно в их бродячую компанию попал и диктофон. Но этот парень оказался очень общительным и легко обходился без личного друга.

За перемещениями Души все время наблюдает ее подруга, соседка сверху, Улыбка. Она живет под крышей и часто вынуждена прятаться – если Он, пребывая в гневе, ее вдруг увидит, может и зубы пересчитать, а их она никак не может лишиться, они единственное, что у нее есть.

Чу!? Муж идет!
Прячься!

Глава 5

ВХОДЯЩЕЕ

Здравствуй, дорогая Мага.

Прочитал твои зарисовки из жизни обеспеченной женщины…

Бесконечно грустная история. Пальцы не поворачиваются рецензировать. Непонимание – страшная штука. Деньги – катализатор проблем. Мне казалось, что все легче и нейтральнее. Хочется думать, что не про тебя, с именем Марго читается легче. Наверное, есть и что-то хорошее. Хочется верить. Сижу под торшером тихонечко. Думаю. Меня так от «Танцующей в темноте» Фон Триера прибило. Не смог два раза посмотреть. Хоть вещь сильная. И у тебя сильная, только грустная очень. Не смогу перечитать…

Ты очень много чувствуешь. И очень просто и правильно пишешь о своих чувствах. Ты не думала о книге? Мне кажется, очень многим женщинам твои чувства и мысли знакомы и близки, а значит будут интересны.

ИСХОДЯЩЕЕ

Здравствуй, мой милый читатель.

Спасибо за добрые слова. Думала. И я понимаю, о чем ты говоришь. Буквально на прошлой неделе я дала почитать эти самые «Два дня…» Зое, своей давней профессиональной подруге, не посвященной в мою семейную жизнь. Так вот… Она не звонила неделю. А потом выяснилось, что просто не могла. Прочитала в первый же вечер и не спала всю ночь. Потом прочла еще раз, и еще, и так четыре. Никак не могла разместить этот текст в моем изображении. Никак не могла узнать меня в нем. Назвала его «нахлобучкой». Неожиданно талантливой и очень серьезной. Я ей поверила. Потому что она умница. Она много читает, много видит, много мыслит. И она, совершенно неожиданного для меня, увидела в моем тексте Себя. Ту, что никак не могла увидеть я, потому что писала только ПРО СЕБЯ… Меня это просто поразило! Неужели мы все так похожи? Несмотря на то, что живем и выглядим абсолютно по-разному!.. Потом мы долго сидели в «Академии» у МХАТа и разговаривали. О жизни, о работе, о мужчинах. И о том, что совсем не знаем друг друга, хоть вместе уже с десяток лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.